

## Глава 31. Западные земли

Чем дальше они продвигались на запад, тем бесплоднее и заброшеннее становились земли вокруг. За полдня пути едва ли можно было встретить хоть какой-то лесок или густые заросли, а в иных местах обнаженная почва и вовсе иссыхала, превращаясь в зыбучий песок. Тем сильнее на этом унылом фоне выделялся оазис, раскинувшийся там, где на карте был отмечен Зал Сотни Трав. Буйная, сочная зелень радовала глаз, и под палящим, нещадным солнцем один лишь её вид невольно бодрил путников, принося иллюзию живительной прохлады, словно даже сам воздух вокруг этого места становился чище и свежее.

Шел очередной день их путешествия. Время близилось к полудню — поре, когда солнце жгло немилосердно, словно стараясь выжечь все живое. Сверившись с картой, Е Му отыскал ближайшее поселение и велел Цзяло приземлиться на его окраине.

Прежде чем наведаться в Зал Сотни Трав, следовало устроить на ночлег Е Мина, чтобы тот мог как следует отдохнуть. Оставив юношу в безопасности, Е Му планировал продолжить путь в одиночку — так было куда проще и сподручнее действовать.

Жизнь и обычаи в Западных землях разительно отличались от привычного уклада Срединных равнин. В здешних поселениях не строили высоких пагод и изящных теремов — улицы пестрели тесными рядами приземистых глинобитных хижин с округлыми куполами и арочными проемами вместо окон и дверей. По улицам неторопливо прохаживались местные жители с кожей бронзового оттенка, одетые весьма свободно из-за душлимой жары. Мелькали знойные танцовщицы в полупрозрачных газовых накидках и с тяжелыми золотыми браслетами на запястьях; кутались в пыльные плащи загадочные странники, чьих лиц невозможно было разглядеть под глубокими капюшонами; тянулись караваны приезжих купцов. Городок, пускай и небольшой, жил шумной, суетливой жизнью, и здешний люд, казалось, ничуть не ведал того щемящего страха, что сковал сейчас жителей Срединных равнин.

Устроившись на постоялом дворе и оставив Е Мина отдыхать, Е Му вышел в город один. Он решил раздобыть несколько свободных черных плащей, столь популярных у местных путников, — такая маскировка никогда не бывала лишней. Расспрашивая прохожих и лавочников о швейных лавках, он вскоре свернул с оживленного тракта в лабиринт тесных жилых переулков.

Солнце раскаляло плоские крыши, отбрасывая густые, резкие тени в узкие проходы между домами. Здесь царила тишина, разительно отличавшаяся от уличного гомона, и прохожие почти не встречались. Е Му неторопливо шагал по безлюдному переулку, но, едва завернув за очередной угол, бесшумно растворился в тенях.

Буквально мгновение спустя со стороны, откуда он только что пришел, донесся торопливый, дробный топот ног. Из-за угла выбежала немолодая, слегка располневшая женщина в поношенной одежде. Она тревожно хмурилась, испуганно крутила головой и вытягивала шею, тщетно пытаясь кого-то отыскать среди пустых стен. На ее лице читались крайнее отчаяние и паника.

Черный силуэт соскользнул сверху абсолютно бесшумно. К шее женщины прижался длинный клинок прямо в ножнах — даже после полудня на солнцепеке сталь обдавала кожу могильным холодом.

— Зачем ты шла за мной всю дорогу? — бесстрастно спросил Е Му.

От этого ледяного голоса женщина испуганно вздрогнула, однако кричать не стала. Вместо этого она поспешно развернулась лицом к преследователю и, тяжело рухнув на колени, отчаянно разрыдалась.

— Молодой господин! Умоляю, помогите мне! — запричитала она сквозь слезы. — Сделайте милость, а я в долгу не останусь, рабыней вашей стану, по гроб жизни благодарить буду! Пожалуйста, умоляю!

Невзирая на прижатый к горлу клинок, женщина лихорадочно принялась стаскивать с себя скромные украшения: простые серебряные браслеты с запястий, заколки из волос, серьги. Сложив все это богатство в горсть, она дрожащими руками протянула его Е Му, а затем принялась неистово биться лбом о пыльную землю. Удары выходили тяжелыми, глухими; лоб несчастной быстро покрылся ссадинами, по лицу потекла кровь, но она словно не замечала боли, лишь хрипло твердила одно и то же: «Умоляю! Помогите!..»

Слезы смешивались с грязью и кровью на ее иссеченном лице. В покрасневших, опухших глазах горела бездонная, испепеляющая ненависть. Каждый ее выдох, каждое слово исходило из самой глубины истерзанной души, содрогаясь от невыносимой боли.

Е Му убрал клинок в ножны и шагнул в сторону, уклоняясь от ее земных поклонов. Быстро окинув плакальщицу оценивающим взглядом, он не обнаружил никакой скрытой угрозы.

— Поднимись, — ровно произнес он. — И говори спокойно, без истерик.

Женщина поспешно поднялась с колен, сгребая свои украшения обратно. Она порывалась всучить их Е Му, но, натолкнувшись на его ледяной взгляд, не посмела. Рукавом она неловко размазала кровь и слезы по лицу, отчего стала выглядеть еще ужаснее — словно жертва жестокого нападения. Исказив губы в жалкой, вымученной улыбке, она взмолилась:

— Молодой господин, пройдемте ко мне в дом, а? Это совсем рядом, здесь, за углом! Правда!

Е Му смерил ее холодным взглядом.

— У меня мало времени, — отрезал он. — Говори прямо здесь. Что тебе нужно?

С этими словами он легко оттолкнулся от земли и взмыл вверх, опустившись на черепичный карниз ближайшей крыши.

Женщина в отчаянии сделала несколько шагов вслед за ним и выпалила:

— Умоляю, убейте человека!

Столь неожиданная просьба заставила Е Му повременить с уходом. Внимательно всмотревшись в искаженное мукой лицо женщины, он понял, что она говорит это всерьез и от полной безысходности.

— Почему ты просишь об этом меня? — спросил он. — И кто твоя цель?

— Только мастера из шести великих сект осмеливаются открыто носить оружие в здешних краях, — заговорила женщина, и в ее глазах лихорадочно вспыхнул огонь застарелой злобы. — А судя по вашему одеянию, вы из Зала Семи Убийств. В народе болтают, что для убийц из этого Зала нет невыполнимых заказов... Умоляю вас! Порешите ту тварь ядовитую из Зала Сотни Трав! — Она снова сорвалась на истошный плач, закрывая лицо руками. — Этот выродок сжил со свету моего ребеночка!

«Зал Сотни Трав?»

Е Му бесшумно прыгнул с крыши и вырос прямо перед ней.

— Рассказывай по порядку. Что стряслось?

Захлебываясь слезами, женщина принялась изливать душу.

\*\*\*

В сумерках Е Му вернулся на постоянный двор.

Как выяснилось, ее дитя недавно подхватило неведомую хворь. Обычные снадобья не помогали, и убитая горем мать в отчаянии бросилась искать спасения у первого встречного мастера из Зала Сотни Трав. По несчастью, ей попался ученик с ветви ядов. Наобещав золотые горы, мерзавец обманом вызвался вылечить дитя, а сам попросту использовал невинную кроху для испытания нового ядовитого состава.

Когда несчастному малышу стало совсем худо, женщина в панике помчалась к другому лекарю из того же ордена — целителю с ветви жизни. Тот пришел в ужас, распознав следы смертоносного отвара, но сделать уже ничего не мог. Бедный ребенок, которому едва исполнилось несколько лет, долго и мучительно умирал на глазах у матери, испуская истошные крики, пока не затих навсегда.

Из сбивчивой исповеди бедолаги Е Му понял одно: виновника своей трагедии, отравителя из

ветви ядов, она ненавидела столь люто, что готова была разорвать голыми руками и содрать с него шкуру. При этом к целителям из того же ордена она по-прежнему относилась со всем почтением и уважением. Рассказывая о коварстве мастеров яда, женщина то и дело повторяла фразы вроде «ну конечно», «люди ведь давно предупреждали». Судя по всему, репутация у ветви ядов в Западных землях была, мягко говоря, скверной.

Завтра следовало прощупать почву и разузнать, действительно ли местные жители так предвзято относятся к отравителям Зала Сотни Трав, или же несчастная женщина просто бредила в помутнении рассудка после пережитого горя.

Е Му бросил мимолетный взгляд на разложенную карту. Взор его задерживался на отметке, обозначающей Зал Сотни Трав.

Браться за заказ безутешной матери он не стал.

Е Му никогда не отличался избытком благородства или обостренным чувством справедливости. Проливать чужую кровь он готов был исключительно ради собственных целей, а чужое горе и драмы его мало трогали. Тем более сейчас, когда ему самому требовалось содействие мастеров Зала Сотни Трав, лишние неприятности и суета были ему совершенно ни к чему.

Впрочем, если завтрашний визит к целителям не принесет плодов, упомянутый женщиной отравитель вполне мог стать неплохой зацепкой для дальнейших поисков.

С этими мыслями он отошел ко сну, а едва рассвело, прихватил с собой заготовленные Е Мином пилюли — противоядия да очищающие средства — и верхом отправился напрямик к Залу Сотни Трав.

\*\*\*

Огромное поместье, примостившееся на склоне горы и укрытое вековыми кронами деревьев, выдавало себя лишь редкими проблесками изумрудной черепицы. Именно здесь располагался знаменитый Зал Сотни Трав, чьи мастера до тонкостей постигли таинства врачевания и коварство смертоносных ядов.

На лесной поляне прямо перед воротами поместья сегодня царило необычайное оживление.

Обычно здесь с утра до вечера дежурили целители ордена, сменяя друг друга у длинных столов и безвозмездно принимая стекавшихся со всех концов страждущих. Однако сегодня за столами не было ни единой души. Вся толпа сместилась в сторону, сгрудившись у главных ворот плотным живым кольцом и намертво перекрыв широкий проход в усадьбу.

Е Му еще издалека расслышал надрывный, знакомый плач.

— Деточка моя, кровиночка! За что тебе смерть лютая досталась?! Выродок ядовитый, чтоб ты сгнил заживо, будь ты проклят!

Пользуясь поднявшейся суматохой, Е Му незаметно скользнул в обход бурлящей толпы. Миновав заторы, он подобрался к самым воротам усадьбы и затаился в густой тени раскидистого дерева. Отсюда происходящее в центре круга просматривалось безупречно.

Вчерашняя его знакомка сидела прямо на голой земле, растрепанная и дикая, судорожно прижимая к груди свернутое детское одеяльце. Вид у нее был безумный — судя по всему, она глаз не сомкнула всю ночь. Свежие слезы проложили грязные багровые дорожки поверх вчерашней запекшейся крови. Зеваки обступили несчастную полукругом, держась на почтительном расстоянии в несколько шагов. Они вполголоса переговаривались, качали головами и время от времени бросали косые, недоброжелательные взгляды в сторону ворот Зала Сотни Трав.

Все адепты Зала Сотни Трав носили белые одежды, но по цвету каймы можно было без труда определить их специализацию: целители носили зеленую отделку, а отравители — синюю. Чуть поодаль от кричащей женщины стояли несколько юношей и девушек с нежно-зеленой каймой на рукавах. Они сохраняли полное спокойствие, всем своим видом демонстрируя непричастность к скандалу. Собравшиеся люди их тоже не трогали — весь гнев толпы обрушился на двух молодых стражей у ворот, чьи рукава были оторочены синим шелком. Притиснутые к створкам юные адепты ядовитой ветви чувствовали себя крайне неловко. Они затравленно озирались, то и дело с надеждой поглядывая внутрь усадьбы и стараясь не встречаться глазами с разгневанной чернью.

Наконец из ворот быстрой походкой вышла группа старших адептов — судя по одежаниям, среди них были представители обеих ветвей ордена. В толпе пронесся недовольный гул, но люди все же расступились, давая им пройти.

Возглавлявший группу целитель решительно шагнул вперед. Приблизившись к плачущей женщине, он присел перед ней и мягко произнес:

— Не убивайтесь так, матушка. Уверю вас, Зал Сотни Трав уже проводит тщательное расследование. Виновный не уйдёт от наказания, мы непременно восстановим справедливость.

С этими словами он протянул ей чистый белоснежный платок:

— Позвольте мне для начала обработать ваши раны?

Женщина мало-помалу притихла, перестав выкрикивать проклятия. Взглянув на целителя, она словно обрела слабую надежду. Шмыгнув носом, она согласно кивнула, выпустила из рук одеяльце и, приняв платок, прижала его к окровавленному лицу. Молодой человек ничуть не побрезговал ее грязным и жалким видом. Получив дозволение, он осторожно отвел в сторону ее слипшиеся, испачканные волосы, обнажая рассеченный лоб. Его точные, выверенные движения завораживали: он бережно промыл рану и нанес тонкий слой успокаивающей

светло-зеленой мази. На его лице читалось искреннее сострадание, без малейшей тени брезгливости.

Пока он занимался пострадавшей, остальные adeпты лекарственного крыла принялись вежливо успокаивать и разгонять зевак, предлагая всем вернуться в очередь для осмотра. Вскоре у столов вновь выстроились ровные ряды больных, однако люди все равно то и дело косились на ворота усадьбы, жадно ловя каждую деталь происходящего.

Адепты же ядовитой ветви, прибывшие вместе со всеми, демонстративно держались в стороне. Скрестив руки на груди, они безучастно взирали на суету коллег и вполголоса переговаривались о чем-то своем, сохраняя на лицах холодное равнодушие.

Вскоре из глубины усадьбы показалась еще одна пара. Шедший впереди юноша ничем не примечательной наружности выделялся среди прочих адептов своей кожей: в отличие от их благородной бледности, его лицо покрывал густой бронзовый загар, характерный для местных жителей, проводящих дни напролет под палящим солнцем. Бело-синее одеяние адепта ядов лишь сильнее подчеркивало его смуглость. Перешагнув порог, он остановился и, недовольно нахмурившись, окинул толпу тяжелым взглядом. Следом за ним робко семенила юная целительница. На ее миловидном, совсем детском личике застыл испуг; она тревожно озиралась по сторонам, оценивая обстановку.

Но стоило сидевшей на земле женщине заметить вошедшего, как ее будто ударило током. В одно мгновение растеряв всю свою кротость, она яростно оттолкнула склонившегося над ней лекаря, взвилась на ноги и, точно разъяренная тигрица, бросилась на смуглого отравителя. Из ее груди вырвался страшный, сорвавшийся на визг вопль:

— Тварь выползла!..

<http://bllate.org/book/18186/1760635>